

Движение на выстрелы.

Многовековая история военного искусства резко разделяла маневрирование на театре войны от маневрирования на поле сражения. В старину считалось одним из основных начал тактики предварительный сбор всех войск, предназначенных для участия в бою, в одну компактную массу, с которой полководец затем уже и предпринимает свой боевой маневр.

К началу XIX века великая французская революция, вместо 40—70-тысячных армий старого режима, выдвинула на поля сражений большие народные армии, успешное применение коих оказалось возможным лишь при новых тактических приемах. Маневрирование с поля сражения начало переноситься на всю обширную арену театра войны.

Типичным образцом такого слияния стратегического и тактического маневра является Бауценская операция Наполеона в весеннем походе 1813 года. Обстановка была такова. Отбив под Люценом попытку внезапного удара русско-прусской армии, Наполеон занял Дрезден и продолжал преследование. Русско-прусская армия держалась близко к австрийской границе, так как велись деятельные переговоры с Австрией о привлечении и этого государства к борьбе с Наполеоном, и политика требовала, чтобы мы далеко не отрывались от наших будущих союзников. Преследуя главными силами отступающую армию, Наполеон выслал в направлении на Торгау-Лукау—Берлин маршала Нея с тремя корпусами, чтобы угрозой захвата столицы Пруссии заставить прусскую армию отделиться от русских войск.

Вечером 15 мая Наполеон получает достоверные сведения, что неприятельская армия, перейдя у Бауцена за реку Шпре, остановилась, окапывается и готовится дать решительное сражение. Наполеон, располагая двумя войсковыми массами, в 100.000 и 60.000 человек, и имея против себя зарывшегося в землю и следовательно отказавшегося от свободного маневри-

рования неприятеля силой в 93.000, решает использовать выгоды своего положения: с тремя корпусами бросает берлинскую дорогу и направляется в обход правого фланга неприятеля, чтобы отрезать ему путь отступления и прижать его к австрийской границе. Так как Ней успеет выйти во фланг и тыл неприятелю только 21 мая, то 19 мая на фронте будут происходить только рекогносцировки, 20 мая после полудня главные силы завяжут на фронте бой, а решительная атака откладывается на 21 мая. Ней, еще до получения приказа Наполеона, по совету Жомини, своего начальника штаба, сворачивает с дороги на Берлин и движется на Хойерсверда.

В этом примере нет предварительного сбора войск перед боем. Находившаяся в отделе армия спешит на выстрелы завязавших на фронте бой частей, и наносит решительный удар.

В действительности Ней не вполне успешно выполнил гениальный замысел Наполеона, вязался в бой против правого русского фланга, не успел пересечь у Гохкирхена последнего пути отступления союзников на Герлиц, и они успели ускользнуть с небольшими потерями. Такой половинчатый исход маневра объясняется отсутствием в ту эпоху каких-либо технических средств связи и проистекавших трудностей оперирования отдельными массами: в бюлетене о Бауценском сражении (официальная реляция для публики, продиктованная самим Наполеоном) отмечается, что еще в 3 часа дня 21 мая вся армия, ведущая атаку, находилась в полной неуверенности в успехе, так как ни в главной массе ничего не было известно о Нее, кроме отдаленного пушечного гула, ни Ней, вышедший с 60.000 преимущественно молодых солдат в тыл много большей армии, не знал результатов двухдневного боя главных сил на фронте, и эта неизвестность, конечно, сильно сковывала энергию даже такого сильного вождя, как Ней.

Но самое широкое распространение движения на выстрелы получило только во вторую половину XIX века, а именно во франко-прусскую войну 1870 года. В этой войне, по крайней мере в первом ее периоде — в борьбе немцев с армиями Наполеона III — войска еще вводились в бой также густо, на таких же узких фронтах, как и за 200 лет перед тем. Корпус получал обыкновенно в сражении участок шириной всего в 2 версты. Между тем, даже в культурной местности, для значительных переходов нельзя наметить сеть параллельных дорог гуще, чем одна дорога на 6 верст фронта. И каждому корпусу желательно было предоставить отдельную дорогу, так как даже без корпусных обозов корпус растягивался по одной дороге на 25 верст

в глубину, и следовательно, при движении двух корпусов по одной дороге, войсковые части растягивались на 50 верст, что помимо весьма чувствительных хозяйственных невзгод, не позволяло развернуть всех боевых сил до второго дня боя. В этих условиях естественно сложилась поговорка: „врознь итти, вместе драться“, смысл коей, в приложении к условиям 1870 года, заключался в том, что фронт марша армии превышал втрое

Схема № 1. Бауцен 1813 г.

фронт тех же сил, развернувшихся для боя. Для того, чтобы попасть на поле сражения, фланговые колонны должны были бросать данные им направления, и облическим (косым), концентрическим движением стягиваться к месту боя. С этой точки зрения, „развертывание“ армии для боя в 1870 году представляется собственно развертыванием из глубины отдельных походных колон; что же касается фронта марша, то он, по существу, при переходе в боевой порядок свертывался. И действительно, сосредоточенные на узких боевых фронтах армии 1870 года

теряли всякую способность к маневрированию. После сражения под Марс-ла-Туром, 16 августа 1870 года, в штабе Мольтке высказывались догадки, куда могла деться французская армия Базена, и высказывались соображения, что никуда она не могла уйти, так как с фронта в 12 верст можно было найти для ее отступления из боя не свыше 3-х дорог, и каждая из них была бы запружена войсками двух корпусов и армейскими обозами верст на 75 в глубину. Французской армии, сосредоточившейся к бою, надо было бы потратить дня 2 или 3, чтобы предварительно разойтись, только тогда она стала бы маневро-способной. Отсутствие этих узких фронтов 1870 года и связанной с ними потери маневро-способности составляет одно из важнейших отличий нашей эпохи, и объясняет, почему теперь войска, не окруженные на поле сражения, гораздо легче, чем прежде, ускользают от преследования и скорее восстанавливают свою способность к бою.

Таким образом, в 1870 году сосредоточение на поле сражения совершалось облически, с более широкого фронта марша. Войсковые массы возрасли весьма значительно, а технических средств связи, которые облегчили бы управление рядом отдельных колонн, не было, и так же отсутствовало, в первые три недели боевых действий, твердое тактическое руководство. Французы отказались от активности и занимали заблаговременно обреченногнотированные позиции. Немцы же, при плохой разведке, неожиданно для себя сталкивались с французскими войсками; имевшиеся тактические задания старших начальников оказывались несоответствующими обстановке, и боевые события развертывались не в соответствии с директивами и приказами сверху, а подчиняясь широко развитому в германской армии началу самостоятельности, частного почина младших начальников. Все сражения первых недель войны — Шпихерн-Форбах, Верт, Коломбье-Нуilly, Марс-ла-Тур, представляют одну и ту же картину: командир бригады авангарда, или прибывший к сторожевым частям начальник штаба корпуса, или начальник дивизии, наткнувшись на неприятеля, выставляет свои батареи и открывает огонь. Гром пушечных выстрелов как бы скликает немцев со всего района марша армии; все походные колонны, бросив указанные им цели, ориентируясь по звуку пушечной пальбы, устремляются помочь своим. К стреляющему батареям непрерывно присоединяются новые батареи и, к полному изумлению командующего армией, большая часть его войск оказывается втянувшейся в бой не в то время и не в том месте, где это им намечалось. При пассивности французского командования, при большом численном перевесе германской

армии, при очень высоком духе пехоты, и многочисленной и превосходной по качеству артиллерии, такой способ действий доставил немцам ряд успехов. Эти бои являются классическим примером торжества инициативы частных начальников, искавших основания для своих решений в первых же доносившихся до них звуках пушечных выстрелов, а не в приказах, получаемых ими от командиров, но указывают и на опасные стороны такого способа управления войсками: руководство боем сразу же ускользает из рук высшего управления, все отданные сверху приказы оказываются или предвосхищенными, или же неприменимыми, устарелыми, и развитие боя получает стихийно-анархический характер. Почти в каждом таком боевом столкновении забывшие о своих заданиях и стремившиеся исключительно на звуки пушечных выстрелов, как бабочки на свет, немецкие части создавали моменты, в которые энергичный французский полководец мог бы нанести им крупное поражение, действуя активно с меньшими силами, но управляемыми единой и твердой волей.

Во вторую половину войны 1870 года, когда в германских войсках наладилась лучше связь и управление стало тверже, движение на выстрелы сохранилось, как принцип, но заняло свое истинное место; превосходство германских войск над только что сформированными, милиционными частями республиканских войск Гамбетты было настолько значительно, что к вопросу о поддержке завязавших бой германских войск можно было относиться хладнокровно, взвешивая каждый раз, не большая ли помощь будет оказана соседу простым исполнением полученной задачи, которое иногда ведет к глубокому обходу неприятеля, тогда как, двигаясь на выстрелы, есть риск выйти, вместо неприятельского фланга, на его фронт.

В другом свете вопрос о движении на выстрелы встает перед нами в обстановке турецкой армии, в войне с Грецией, в 1897 году, в Фессалии. Отдельные турецкие колонны выражали очень мало склонности к поддержанию связи, к поддержке вступившего в бой соседа. Ученик берлинской военной академии, работавший как начальник штаба турецкой армии, отдает перед сражением под Фарсалою следующий приказ по армии: *„все дивизии обязаны поддерживать между собой связь. Если неприятель атакует одну дивизию, соседние дивизии обязаны немедленно ее поддержать или атакуя неприятеля со своей стороны во фланг, или же непосредственно подтягиваясь и усиливая атакованную дивизию. Начальники, которые не выполняют этого требования, будут привлечены к строгой ответственности“.*

Недостаточная подготовка начальников и невысокий дух турецкой армии вели ее к пассивному выполнению полученных сверху приказаний, не считаясь с нуждой соседа в поддержке; пушечный гром не являлся для турецкой армии сигналом к сбору всех сил. Вероятно, находились даже такие начальники, которые, оставаясь в стороне, радовались своему счастью и надеялись, что быть-может, кризис разрешится без их непосредственного участия, и их минует чаша боевых испытаний... По крайней мере, приведенный выше приказ по армии, с угрозами строгой кары, надо рассматривать, как удар шпоры тупому и равнодушному аппарату управления старой турецкой армии.

В русско-японскую войну 1904-5 годов мы не встречаем движения на выстрелы в широкой постановке 1870 года. Широкие фронты боя позволяли на марше вести войска на том же участке, который предназначался для их развертывания в бою. Войска перестали „врознь идти, вместе драться“—и делали то и другое на равных интервалах. Мало подвижный характер войны, слабо выраженное тяготение к маневру, широкие технические средства связи позволяли централизовать управление в гораздо большей степени, чем это было возможно раньше. Но в мелких боях начало движения на выстрелы получило полное подтверждение. Когда полковник Лечицкий 21 июня 1904 года с двумя батальонами атаковал охранение японцев к востоку от реки Ланхэ и выбил одну заставу, все части японского сторожевого охранения оставили свои места, но не затем, чтобы уйти в тыл: соседние заставы немедленно по горам перешли в наступление против флангов колонны полковника Лечицкого, более отдаленные выслали для той же цели сильные офицерские дозоры; когда потесненный с фронта полковник Лечицкий был вынужден отходить по долине, его с гор, слева и справа, начали расстреливать прибывшие на выстрелы хотя и незначительные японские части, и операция против сторожевого охранения японцев обошлась нам в 400 человек убитыми и ранеными.

С нашей стороны примером движения на выстрелы явился маневр Зарайского полка 13 августа 1904 года. Этот полк указано было подтянуть с тыловых инженерных работ через село Вейдягау в селение Кофенцы в резерв правого фланга III Сибирского корпуса, который третий день вел бой. Проходя в нескольких верстах позади оконечности нашего левого фланга, командир Зарайского полка, полковник Мартынов, услышал шум боя и узнал от казаков, что японцы охватили наш правый фланг. Несмотря на удлинение правого фланга частями, выс-

данними из резерва III Сиб. корпуса, положение его было трудное. Оценив обстановку, полковник Мартынов решил, вместо движения в указанное ему место, в резерв на Чандяпу-Кодфынцы, свернуть на Павшегоу, выйти уступом вне нашего фланга и ударить в подставленный ему фланг японцев. Несмотря на некоторые упущения в осуществлении этого решения (перерыв атаки во время налетевшей грозы, остановка после первоначальных успехов вследствие преувеличенных сведений об японской коннице, охранявшей фланг), удар этот, направленный в опаснейшем для неприятеля направлении, заставил отскочить

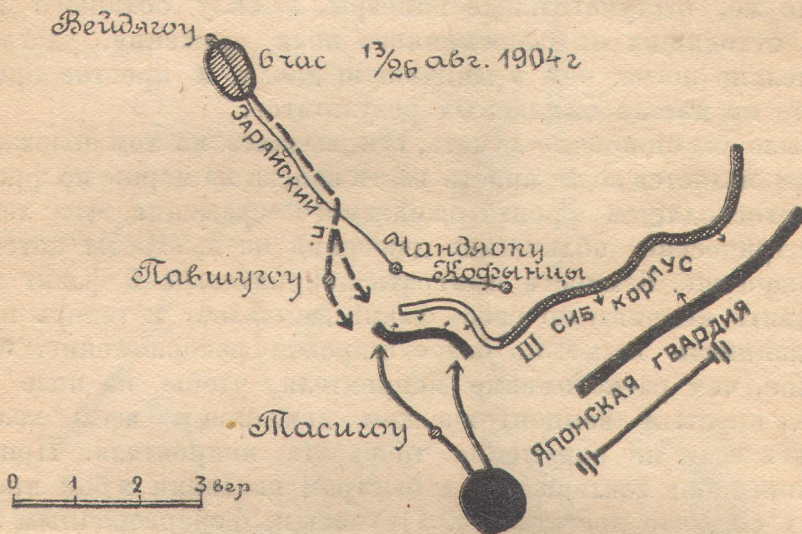

Схема № 2. Отражение охвата в бою под Ландисаеом.

весь левый участок японской гвардии, поверг штаб армии Хуроки в большое беспокойство, и вынудил японское управление, чтобы предотвратить общий переход русских в наступление на этом участке поля сражения, пожертвовать несколькими гвардейскими батальонами для безнадежной фронтальной атаки правого крыла III Сибирского корпуса.

В минувшей великой европейской войне 1914-1918 г.г. вопрос о движении на выстрелы получил вновь более широкую постановку. Ширина фронтов увеличилась до еще больших размеров. Армии в 3-4 корпуса, даже в первоначальный маневренный период, развертываются на фронте в 70 верст—в 10 раз более широком, чем занимавшийся такими же силами в 1870 году. Не только не возникает вопроса о движении двух

корпусов по одной дороге, но является возможность каждой дивизии предоставить отдельную дорогу. Войска в бою сохраняют возможность быстро свернуться в походную колонну и исчезнуть. Способность к маневрированию отнимается у армий только при глубоком охвате их неприятельскими частями, как это было с армией Ренненкампа в конце августа 1914 г., когда все отходившие части и обозы были перемешаны на одной дороге близ Вержболово, вследствие хозяйничания германской конницы на более южных путях. Двойные охваты привели к катастрофе большую часть армии Самсонова (2-й) 16-17 августа 1914 г. и армии Сиверса (10-й) в феврале 1915 г. Вообще же, отступательные маневры, в силу большого числа путей, отходящих от современного поля сражения, удавались значительно легче, чем в минувшую эпоху, и простое преследование не давало ожидаемых результатов.

Было бы ошибочно думать, основываясь на том положении, что нам является возможность вести войска на марше на фронте, не превосходящем фронта ожидаемого сражения, что теперь концентрические, облические движения на выстрелы потеряли свое значение. Важность выиграть неприятельский фланг и не подставить неприятелю свой фланг заставляет и теперь перед боем занимать возможно более широкое расположение, более широкое, чем расположение неприятеля, чтобы на поле сражения, простым концентрическим движением всех колонн, добиться если не окружения, то охвата неприятеля. Природа встречного боя заключается в быстром введении в бой превосходящих сил, что достигается: 1) умелым, фейерверочным развертыванием из глубины сил каждой колонны и 2) концентрическим движением всех колонн к завязавшемуся очагу сражения. И там, где обе стороны не отказываются от выгод активности, где обе стороны еще не хотят платить за технические выгоды сидения в окопах отказом от свободы маневрирования, там встречные бои являются нормальным явлением, и сторона, умеющая наиболее разумно организовать сосредоточение своих сил на выстрелы, окажется располагающей огромным плюсом.

Примером движения на выстрелы, во время вторжения армии Самсонова в Восточную Пруссию, являются действия XIII корпуса. Сосед слева, XV корпус, 10/23 августа натывается на сильно укрепленную позицию Орлау-Франкенау, занятую арьергардом XX германского корпуса, и задерживается перед ней до глубокой ночи. Командир XIII корпуса, генерал Клюев, осведомленный шумом сильного боя, подтянув к ночи с 10/23 на 11/24 августа 1. дивизию к Омулефоген, в 10

верстах к востоку от Орлау, двигает ее с рассветом 11/24 августа, в 5 часов, к флангу занимающих позицию Орлау-Франкенау частей XX германского корпуса и вынуждает их к поспешному отступлению. Так как простое фронтальное движение 1-й дивизии на Куркен выводило ее в тыл немцев, дравшихся у Орлау, то, в данном случае, выгоднее было бы, возможно, несворачивать на выстрелы, а ускорить движение на Куркен. Через 2 дня

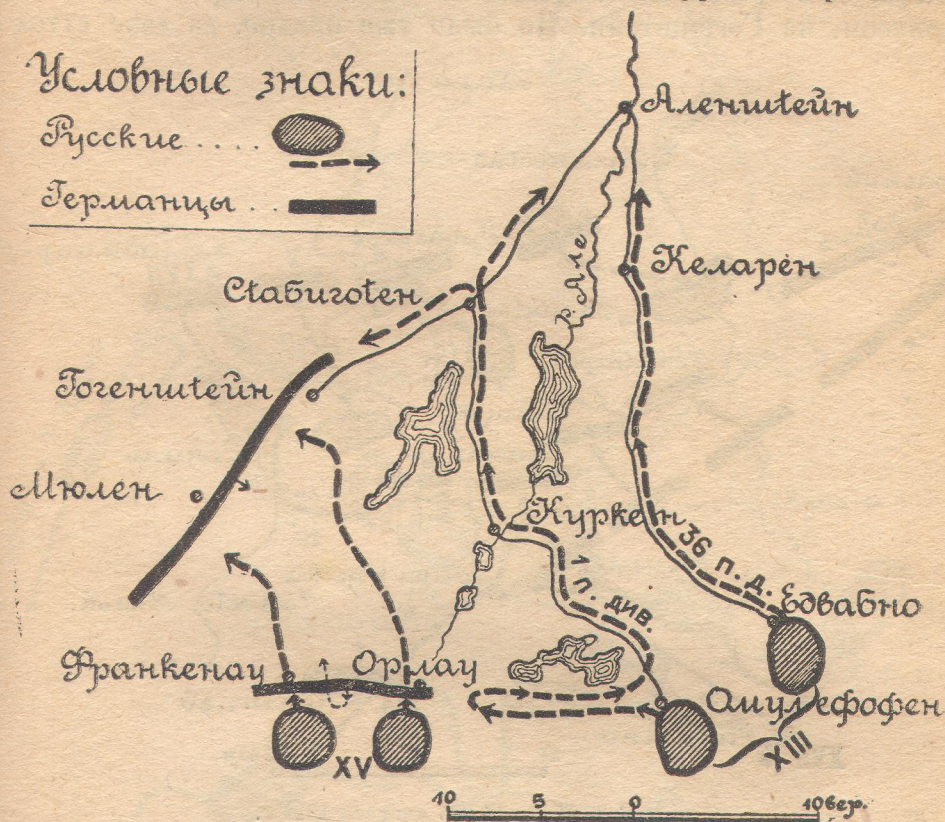

Схема № 3. 11/24—13/26 августа 1914 г.

положение повторяется: у Гогенштейна XV корпус 13/26 августа опять встречает ожесточенное сопротивление неприятеля, а XIII корпус, не имея перед собой неприятеля, оказывается одной дивизией в 9 верстах вне неприятельского фланга, другой в 18 верстах, у Стабиготена и Келарена. Энергичное движение всего XIII корпуса 13 августа во фланг немцам у Гогенштейна могло бы создать для нас весьма благоприятные условия. В виду имевшихся, однако, категорических указаний командующего армией о захвате XIII корпусом железнодорожного узла Алленштейн, почти вовсе не занятого

на востоке противников еще разделяло расстояние в 75 верст. 5. армия получила 12/25 августа задачу помочь XXV корпусом 4. армии непосредственно, переправив его через Вепрь

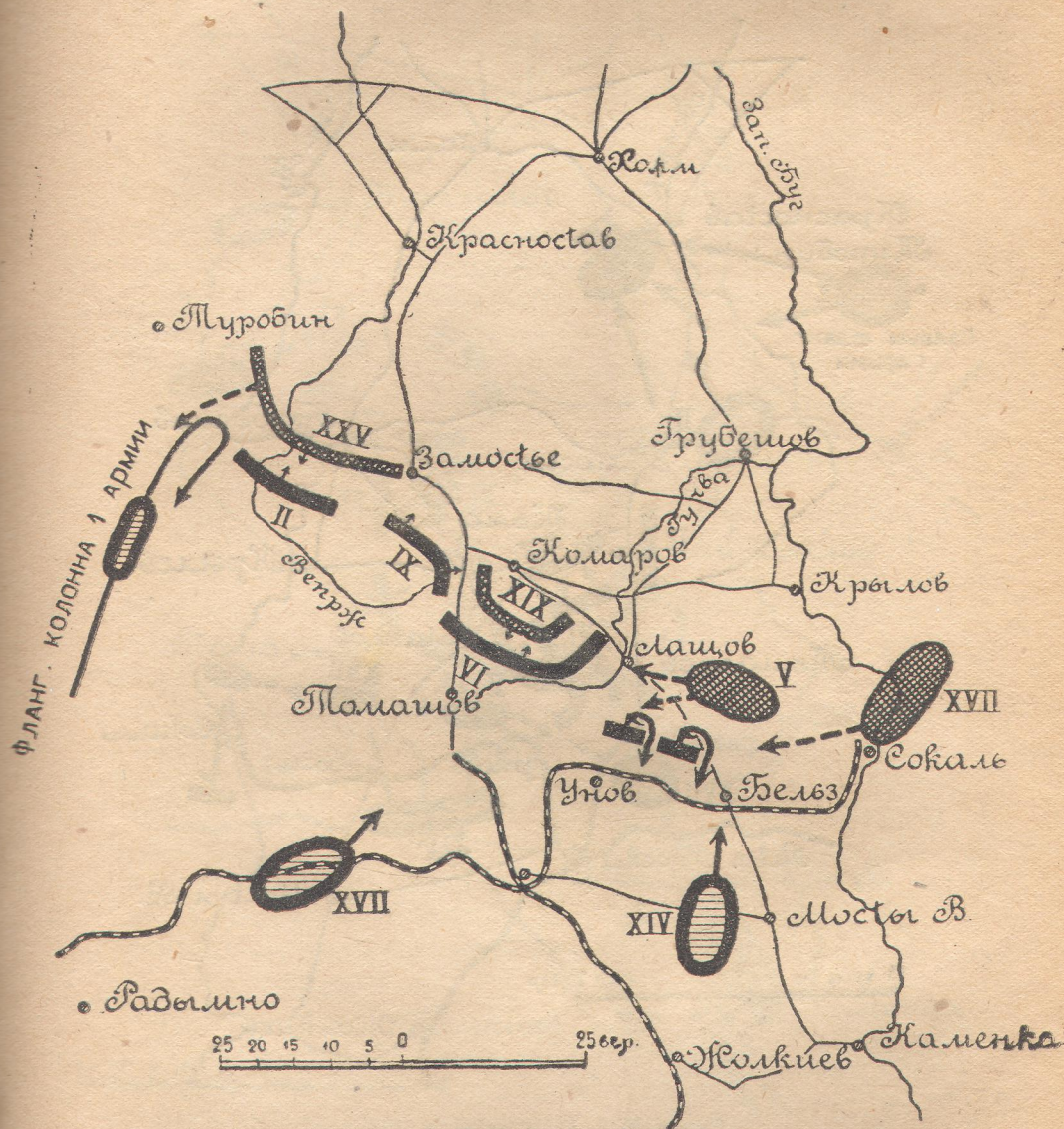

Схема № 5. Утро 14/27 августа 1914 г.

к западу от Замостья, а, для более глубокого охвата наступающих на 4. армию австрийцев, остальные три корпуса на 13/26 августа получили задачу сосредоточиться в направлении Томашева.

Намерение австрийцев заключалось в том, чтобы наступлением 4. армии между Вепрежем и Гучвой развить успех их 1. армии. В виду угрозы с востока, 4. австрийская армия

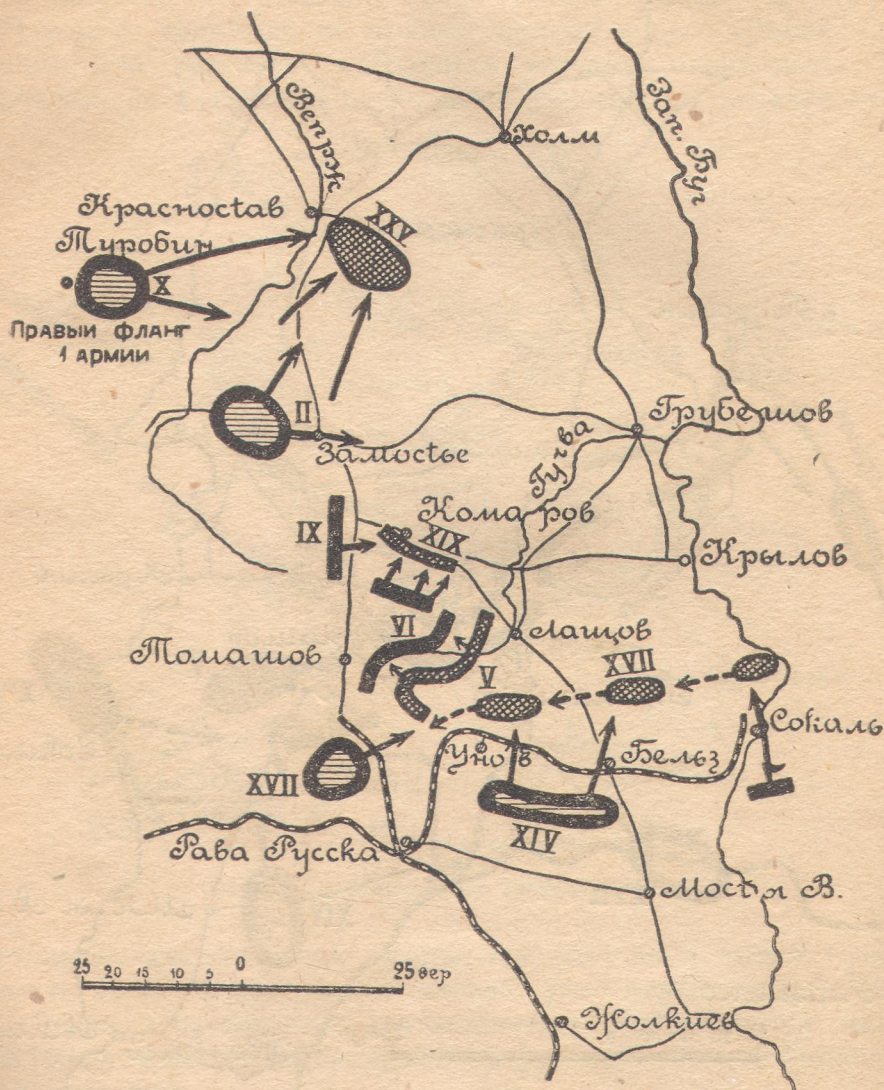

Схема № 6. 15/28 августа 1914 г.

наступала уступами слева, резерв, — высадившийся с опозданием XVII корпус, направлялся за правый фланг, и вне его, за правым флангом, собирался уступ — XIV корпус (группа эрц-герцога Иосифа - Фердинанда). Конница прикрывала открытый фланг австрийцев.

13/26 августа наш XIX корпус натывается на правогофланговый уступ австрийцев — VI корпус — и теснит его в центре. Но на следующее утро правогофланговая дивизия VI корпуса

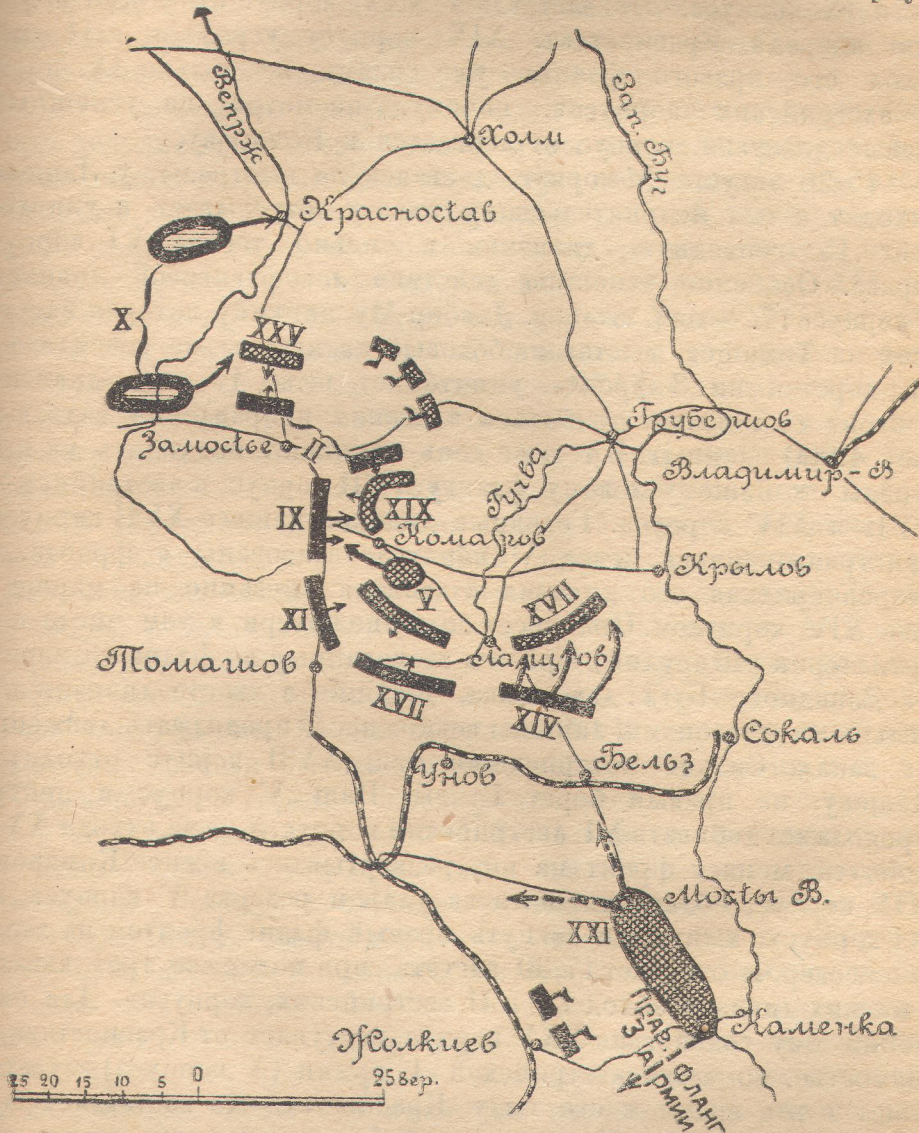

Схема № 7. 17/30 августа 1914 года.

(15. гонведная) глубоко охватывает наш XIX корпус с востока, а IX корпус, не имеющий перед собой противника, высылает одну дивизию на выстрелы для атаки XIX корпуса с запада.

XXV корпус одной дивизией успешно наступает на левом берегу Вепржа для оказания содействия нашей 4. армии,

находящейся в очень трудном положении, но заслон, оставленный им между Вепржем и Замостьем, в составе $1\frac{1}{2}$ дивизий, сбит соединенными усилиями II и подошедшей на выстрелы части IX корпуса. Это заставляет XXV корпус отойти на позицию впереди Красностава. XIX корпусу угрожает глубокий обход его правого фланга уже силами не только IX, но и II австрийских корпусов, почему, несмотря на успешные боевые действия, корпус оттягивается к Комарову.

15/28 августа V корпус, двигаясь на выстрелы, у Лашова выходит в тыл неприятельскому охвату, отрезывает и уничтожает 15. гонведную дивизию, и сильно теснит VI корпус справа. Особенно успешны действия левофланговой дивизии V корпуса (7. — нач. штабов. Довбор-Мусницкий), которая наступает на Томашев, выставляя боковые авангарды на север и на юг, дерется на 3 фронта, уничтожает штаб 15 гонв. дивизии и отбив ее попытку пробиться в южном направлении, захватывает 4.000 пленных. В тот же день начинают подходить на выстрелы к нашему левому флангу XVII корпус, к австрийцам — XVII и XIV корпуса. Головные дивизии нашего XVII корпуса, пристраивающиеся левее V корпуса, атакованы с фронта, а второочередная его дивизия атакована внезапно на марше с юга XIV корпусом. Она несет большие потери, в том числе и в артиллерии (40 орудий), при чем атакованные во фланг на марше от Западного Буга два полка, шедшие в хвосте дивизии отдельными эшелонами, лишены возможности продолжать движение на запад. Сильно потерпевший наш XVII корпус отходит к Лашеву, на правый берег Гучвы. Наш V корпус в центре продолжает добивать VI австрийский корпус, и из за отхода XVII корпуса, меняет фронт на юг, развертываясь южнее Комарова. XIX корпус, облегченный слева ударом резерва V корпуса по XI корпусу, вынужден загнуть правый фланг фронтом на запад и на север, и отбивает 17/30 августа, при поддержке трех кавалерийских дивизий обход IX и II австрийских корпусов. Для оказания ему содействия XXV корпус наступает от Красностава на Замостье, но части австрийской I армии (X корпуса) захватывают в это время в его тылу Красностав, что заставляет корпус вновь отойти. Командующий 5. армией, отчаявшись дожидаться поддержки от соседа слева — 3. армии, решает выпрямить фронт и приказывает войскам отходить сначала на фронт Красностав — Крылов, и затем далее на север, на более близкие к Холму позиции.

Несмотря на то, что австрийцы одержали несколько тактических успехов и выиграли, в конечном счете, некоторое

пространство, стратегический успех оказался на нашей стороне: наша 4. армия получила время оправиться, все австрийские резервы были привлечены и задержаны в районе между Вепржем и Бугом, и нашим армиям Рузского и Брусилова (3. и 8.) была открыта прямая дорога во Львов, в тыл неприятеля, что и давало решение великой Галицийской битве.

Рассматривая действия обеих сторон, столь характерные для современного встречного боя, мы видим непрерывный ряд облических и фланговых движений, непрерывное стремление каждого корпуса помочь соседу, как с русской, так и с австрийской стороны. Особенно решительны и удачны действия нашего V корпуса, который ликвидирует 15/28 августа охват XIX корпуса с востока ¹⁾, 16/29 августа разгружает фронт XIX корпуса, а 17/29 августа помогает ему 2 полками в отражении охвата.

Более трудное было положение XXV корпуса, отделенного значительными промежутками от полей сражения 4. и 5. армий, разыгравшихся правее и левее его, и имевшего перед собой значительные неприятельские силы. 14 августа, при попытке его к движению на запад, на помощь 4. армии, он атакован с юга, и вынужден к отходу. 17/30 августа, при начале его движения на юг, австрийцы ему выходят в тыл с запада. Однако, в общей работе наших войск усилия XXV корпуса не пропали даром, так как в решающие для 4. и 5. армий дни, наш XXV корпус связал действия X, II и отчасти IX австрийских корпусов; в случае пассивных действий XXV корпуса австрийцы, конечно, провели бы охваты левого фланга 4. армии и правого XIX корпуса с гораздо большей энергией.

Наконец действия нашего XVII корпуса показывают нам, с какими опасностями приходится считаться при движении на выстрелы. Вообще, когда две группы сцепились между собой, создается очень благоприятная обстановка для вступления в бой находящейся в стороне, не связанной неприятелем, войсковой части. Можно свободно выбрать большую, чувствительную для неприятеля, точку и ударить в нее, при чем связанный боем противник представляет благодарную и преимущественно неподвижную цель. Но движение на выстрелы явится, чаще всего, фланговым маршем в сфере воздействия неприятеля; необходима тщательная разведка не только к стороне движения, но к стороне, куда обращен наш открытый фланг и тыл. Надо считаться, что на выстрелы будем стремиться подходить не

¹⁾ История войны с германской стороны указывает на такой же пример 4 августа в бою под Сталупененом, в Восточной Пруссии. (См. статью „Значение фланга в бою III армейск. корпуса“).

только мы, но и неприятель, и такой удар, как XIV австрийского корпуса по нашему XVII, всегда возможен. Несомненно, вместо того, что бы наступать на узком фронте, одной кишкой, с эшелонированием в глубокой колонне одних частей за другими, XVII корпусу следовало организовать свой марш на более широком фронте, с высылкой сильных прикрывающих частей влево, на Бельз и Унов. При надлежащей разведке и охране марша, конечно, был бы исключен вовсе случай, когда наши батареи, в походной колонне, были неожиданно обстреляны с нескольких сот шагов наступающими с юга австрийскими цепями.

Сравнивая движения на выстрелы в 1870 и 1914 годах, мы видим, что благодаря телефонам и гораздо более широкому использованию телеграфа и других средств связи, высшему командованию удастся ныне централизовать в большой степени руководство завязкой боя. Но там, где нет почина частных начальников, где, как в 35. и 61. ¹⁾ дивизиях, все ждут ориентировки и приказаний сверху, там войска не наносят удара неприятелю, а подставляют ему свои бока.

У австрийцев мы так же видим стремление к движению на выстрелы, так как в этом движении заключается природа встречного, маневренного боя. Однако, это движение не всегда ведется с должной энергией. 13 августа IX австрийский корпус не оказывает существенной помощи VI корпусу, бездействует, выжидая разъяснения обстановки, 14 августа он дробит свои силы между двумя целями—нашим XXV и XIX корпусами, не приступая еще к решительным действиям, и только 15 августа обращается всеми силами против нашего XIX корпуса, когда уже его сосед справа, VI австрийский корпус, теряет всякую наступательную силу. Более решительное введение в бой IX австрийского корпуса едва ли позволило нашему XIX корпусу так счастливо выбраться из того трудного положения, в котором он оказался.

Дарвин нам дает такое определение дисциплины: „превосходство дисциплинированных солдат над недисциплинированной толпой является, главным образом, следствием доверия каждого к своим товарищам.“ Никакое управление войсками в бою невозможно, если нет так понимаемой дисциплины в командном составе, если у каждого командира, каждого начальника

¹⁾ Второочередная XVII корпуса.

колонны нет такого доверия к его товарищам, ведущим свои части по соседним дорогам. Если каждый командир будет помнить, что худшее для него преступление—обмануть доверие соседа, если каждый вопрос, выдвигаемый боем, будет рассматриваться не с точки зрения узких интересов своей колонны, своей части, а с точки зрения интересов целого, если мысль, как лучше поддержать своих соседей, будет неотступно жить в головах и сердцах начальников, то вся боевая работа станет простой и ясной. Каждый раз, как до слуха начальника донесется шум боя, вопрос о движении на выстрелы, о движении на помощь к своим товарищам, должен быть поставлен в категорической форме. Оставаться бездейственным в то время, когда вблизи решается участь похода—это преступление, более опасное для армии, чем даже измена. Никто не может сослаться на отсутствие приказаний, как на причину, почему он не двинулся на выручку своим. Только получение от высшего начальства особой задачи, привязывающей отряд к определенной дороге, или месту (например, охрана моста или железнодорожной станции), освобождает отряд от обязанности двинуться на поле сражения. Но и в последнем случае дело начальника оценить—не изменилась ли обстановка в такой степени, что выполнение поставленной задачи не является более для интересов армии необходимым, и нет ли возможности, хоть частью войск, принять участие в решении боя.

На доверии к товарищам строится все военное дело, и каждый полк, каждая колонна, вступающая в бой с неприятелем, должны иметь абсолютную уверенность в том, что их не предоставят собственным силам, что каждым выстрелом они не только разят врага, но и скликают подмогу. Один в поле—не воин.

Никто не имеет права быть командиром, если звуки боя не вызывают в нем стремления помоч своим, а наоборот, вызывают оцепенение, вызывают стремление под каким-нибудь кустом переждать со своей частью, пока минует боевая страда. В таком случае честному человеку надо вместо командирского поста занять подчиненное положение, чтобы под началом твердой воли суметь выполнить свой долг.

А. Свечин.